

ДЕТИ ВОЙНЫ

А.И. Токунов

А.И. Токунов
ДЕТИ ВОЙНЫ

«Автор»

2025

Токунов А.

ДЕТИ ВОЙНЫ / А. Токунов — «Автор», 2025

Повесть "Дети войны" написана простым детским языком, непосредственным участником событий тех лет. В повести не описываются детали военной техники, эпизоды сражений, детали знаков различия солдат и офицеров, их военной формы, а описано то, что видел наяву, пережил в лишениях и постоянном страхе, в волнениях и надежде, так, как все эти события воспринимались детским разумом. Повесть написана для будущих поколений, что бы знали, не такое уж простое событие война, как показывают в некоторых современных фильмах, ведь кроме сражений на фронтах была трудная работа детей и подростков на военных заводах в глубоком тылу, опасная работа детей в партизанских отрядах, тяжёлая жизнь детей при частях Красной Армии и была будничная тревожная и тяжёлая жизнь детей и подростков на территориях, оккупированных немецкими захватчиками. Война оставила неизгладимые рубцы у каждого, кто был в той войне!

© Токунов А., 2025

© Автор, 2025

А.И. Токунов ДЕТИ ВОЙНЫ

А.И. Токунов

ДЕТИ ВОЙНЫ

Повесть

Документальная повесть

Владивосток

2008

Доброй памяти брату,
Дмитрию Секрет
ПОСВЯЩАЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Город на Тетеревом.

Одиннадцать столетий прошло с того времени, как на красивых берегах слияния рек Тетерева и Каменки возник этот город.

Расположился он почти на границе Полесского леса и степи, где мягкий и ровный климат, плодородные чернозёмы, красивые леса, сочные пастбища, многоводные реки. Этот населенный пункт был форпостом и центром развития торговли и культурных связей на западе Киевской Руси.

Славянское племя древлян основало это поселение и названо оно было «жытычив мир», то есть – жить мирно!

Но судьбою не было уготовлено этому селению жить в мире и вся его многовековая история ныне запечатлелась в названиях улиц и площадей, в мемориальных досках и памятниках. Город пережил набеги и опустошения от татаро-монгольской орды, от жесткой кабалы польских королей и литовских феодалов.

Против угнетающей и жестокой эксплуатации, в украинского народа усиливалась ненависть к чужеземным поработителям. Жители города выступал и боролись против эксплуататоров в отрядах украинских народных героев: Северина Налевайка, Максима Кривоноса, Ивана Гонты, Максима Зализняка, в казацких отрядах Богдана Хмельницкого.

В этом городе были герои Отечественной войны 1912 года М.И. Кутузов и П.И. Багратион. История города связана с именами героев Гражданской войны: Г. Котовским, М. Щорсом, В. Боженко, О. Пархоменко, Я. Гамарником и С. Буденным.

Золотом вписаны в историю города имена героев – подпольщиков и партизан Великой Отечественной войны: Г. Шелушкова, О. Бородина, А. Федорова, М. Наумова, О. Сабурова.

Этот город – родина творца космических кораблей С.П. Королёва, генерала Парижской коммуны Ярослава Домбровского. Здесь жили и работали известные писатели: В.Г. Короленко, М. Коцюбинский, И. Кочерга, А. Довженко, А. Куприн; здесь были Дж. Кондрат и Оноре Де – Бальзак. На сцене театра выступали корифей украинского театрального искусства Кропивницкий, Старицкий, Заньковецкая, Гайдай; великие русские артисты: Шаляпин, Щепкин, Рубинштейн, Святослав Рихтер, В. Косенко, Б. Лотошинский.

Когда-то глухой провинциальный хуторок царской России, губернский центр Волыни, в данный момент превратился в административный экономический и культурный центр независимой Украины, Украинского Полесска.

С каждым годом обновляются строения, улицы, скверы: хорошеет воспетый в песнях и народных пересказах город древнего и героического историей, старинный, но современный и молодой, живописный город над рекой Тетерев.

А много десятилетий тому назад здесь проходила жестокая, страшная Великая Отечественная война, война не на жизнь, а на смерть, война, которая забрала десятки миллионов человеческих жизней, и в той войне были и выжили мы, дети – войны!

06.08.2008 г., г. Ровно, Украина.

1. ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

Летняя обычная короткая ночь. Свежий ветер крадется в настежь открытые окна родительской хаты, дотрагиваясь до русявого чуба моего брата Толика, овеявая прохладой спокойное лицо мамы, которая спит рядом снами кровати. Тепло на дворе и в хате, но все-таки периодически подтягиваю на себя одеяло. Что-то перебило мой сон. То звенит где-то в уголке комарик, то шелестит листьями яблоня, что за окном, то как призраки колышутся занавески на окнах. Бурчит у меня в животе от съеденных зеленых поринок да зеленых прекислых яблок.

Богатая на сады Марьяновка. Каждая хата окутана густой зеленью и особенно красива, когда весной перед Пасхой каждая хозяйка побелит стены хаты, выкрасит в привлекательный цвет окна и двери, а цоколь подведут черною сажей.

Марьяновка – это пригородный район, с переплетением узеньких переулочков и частных усадеб, который привольно расположился от железнодорожной станции на западе, до военного города и аэродрома «Смоковка» – на востоке, и от Киевского шоссе на юге, через Старо-Киевский шлях, до самых далеких Коммунских полей на север.

До революции эти земли были собственностью помещика Марьяна. Так и пошло название этого района, Марьяновка. На хуторе Затишье до настоящего времени стоит его бывший дом – имение, двухэтажный, с орнаментом и лепками на карнизах, резбовыми деревянными колоннами на верандах. Вокруг дома дорожки выложены плоским камнем и рядом пруд с зеркальной водой, заросшей верболозом. После революции в этом доме была организована коммуна для беспризорных детей, и с той поры и усадьба, и сады, и поля, и кусты, и копанки, которые называют коммунами.

С давних времен с широкой улицы Марьяновки начинал Старый Киевский шлях, с обеих сторон обсаженный липами, супесь которого сбита копытами коней и волов, прикатана колесами бричек и подвод, этот шлях тянулся через сёла Смоковку, Гадзынку, Студеницу и дальше до самого Киева. Знает этот шлях селян – заработчан, которые шли в город в поисках работы; на себе чувствовал тяжесть чумацких возов и селянских подвод, которые тянулись с ближних и дальних сел на ярмарки.

Этот старый шлях и вековые липы, наверно, помнят ряды казаков полковника Запорожской Сечи Ивана Богуна, которые шли на освобождение украинских земель от польского порабощения; помнят отряды отважных щорсовцев, освобождавших Украину от петлюровцев. Много чего видели и помнят старый киевский шлях и старые липы, но они немые свидетели, об этом не расскажут, но человеческая память неисчерпаемая: долго помнится доброе, а еще дольше – плохое, не доброе.

Марьяновские мальчишки считали себя путёвыми всезнайками, потому что почти каждый раз имели возможность на железнодорожной станции увидеть что-то новое, интересное, а на Смоковском аэродроме – с большим интересом всматриваются, как взлетают и садятся самолеты, в привлекательную форму пилотов, военных летчиков.

И в ранний час полетных дней, совсем не мешали спать стрекотание самолетов, которых мы узнавали по звуку и по кличкам. А там были истребители И-16 – это ишаки; У-2 – кукурузники – летающие лестницы, и еще стояли новые накрытые брезентом одномоторные бомбовозы СУ-2 – сухарь. Редко «сухари» можно было увидеть в полете, говорят, что они еще засекреченные и летали они больше всего с раннего утра и не стрекотали так, как «ишаки» и «кукурузники», а гудели ровно, сердито и уверенно.

Не мешал нам и шум на железнодорожной станции. Еще с шести часов утра, через каждые пятнадцать минут зовет на работу гудок паровозного депо; не тревожат привычный перезвон вагонных буферов, переключение паровозных гудков и сигналы дудок стрелочниц. А целый день паровое чихание и свистящая продувка паровозных котлов в тупике на свалке шлаки, стали привычными.

... Я не сплю, почему-то стало смешно от того, как я и Васька помешали Авакумихиной Польке целоваться с пилотом. Хотя бы был пилотом, а то шофер на полуторке, только что форма красивая: темно-синяя гимнастерка, с накладными карманами на груди, голубые петлицы с двумя треугольничками, широкий кожаный пояс, брюки – галифе и, до блеска начищенные сапоги. Но полуторка его не проста. На кузове стоит будка с большими четырехугольными лейками – ушами, каждая из них направленная в противоположную сторону. Кто-то про них сказал, что это «слухачи». Они слушают небо и по звуку могут распознать, какой летит самолет, свой или чужой...

И что этот пилот хорошее нашел в этой Полине? Семнадцатка, маленькая, крикливая, но зато смеется классно.

Бывает иногда, что пилот не приходит на свидание, тогда он через усилитель наигрывает мелодии с патефонных пластинок и эта музыка разносилась на всю Марьяновку.

Кирпичные солдатские казармы, ангары для самолетов и гаражей рядом с нашим переулком, а чуть дальше стоят два жилых трехэтажных дома офицерского состава, так называемые ДОСы. Все это разделяет от нашего переулка дренажная канава, которая собирает воду с летного поля и отводит ее далеко – далеко в Крошенский пруд, а дальше в речку Каменку. Рядом с казармой стоит эта причуда – полуторка «слухач».

Вот и сегодня видно не было свидания у пилота, тому то всю ночь играла патефонная музыка, и сейчас доносится мелодия из кинофильма «Истребитель» ...

«... Любимый город, может спать спокойно

И видеть сны и зеленеть среди весны...»

Фильм интересный, а песня эта красивая, интересная, но уже надоела.

Откуда-то из далеко донесся незнакомый гул, он приближался все ближе и ближе. Дребезжат в посуднике тарелки. Мне почему-то стало страшно и я натянул на голову одеяло.

Уже не слышно мелодии песни, в небе неугомонный тяжелый гул; потом нудный свист и взрывы. Бах! Бах! Бах! Дрожит земля. Зашаталась хата, воздушная волна брякнула в створках окон. Бах! Бах! Бах! – повторилось еще несколько раз. Сорвалась с кровати мама, подхватила на руки сонного Толика и выбежала с хаты на переулок, а я за ними вслед. Толик спросонку плачет, мама его окутывает в накинутое на себя одеяло, так что снизу белеет ее нижняя спальная сорочка.

Над нефтебазой, около железнодорожной станции, поднимался столб черного дыма, из-под которого быстрыми завитушками, ввысь пробивалось красное пламя. Большое пламя поднималось и за паровозным депо, наверное, горели склады «Заготзерно»; дым и пламя поднимались и над аэродромом. В какой-то миг стало тихо, не слышно взрывов, только пламя на нефтебазе, пожар на аэродроме и железнодорожной станции наводил ужас и беспокойство, чтоб не дай Господь, пламя перекинулось на Марьяновские хаты. От пожаров во дворе стало светло и жарко. В этой страшной, взволнованной тишине, еще от военных казарм, как и минутою раньше доносилась мелодия.

«Любимый город, может спать» – видно заело диск, потому, что эта строка песни повторялась несколько раз, только через несколько секунд – заскрипело и напев оборвался.

Соседи также повыскакивали со своих хат. Сначала каждый стоял у своих ворот, а потом стали сходиться до колодца, который поил водой почти всех соседей нашего переулка.

«Это война!» – почти тихо, оглядываясь вокруг, сказал Сергей Школка. Эти слова услышали все, кто стоял рядом, и снова с беспокойством смотрели в небо, где несколько минут тому назад были вражеские немецкие самолеты, и сбрасывали смертоносный груз.

В полумраке чувствовалась растерянность соседей. Каждый думал про свое. Некоторые начинали какие-то разговоры, но они не клеились, и на полуслове умолкали.

«Что делать?» – стоял вопрос перед всеми. Ощувив на себе настораживающие взгляды соседей за сказанное, словно провинившись, пошел до своего двора Школка. На переулке его многие уважали, он всегда помогал советом и делом, много читал книг и считали его умным и знающим, на это он отвечал: «Не ум от книг, а книги от ума сотворились». Он был непревзойденным игроком в шахматы и свою уверенность в любом деле подтверждал, подкручивая большие усы.

На железнодорожной станции запоздало начали гудеть сиренами тревогу паровозы; в МТС, как в колокол, кто-то бил в подвешенную рельсу; возле нефтебазы звенели пожарные машины. Только на аэродроме было тихо. Дыма от пожарищ становилось все больше и больше. В безветрии он не расстелялся, а поднимался высоко в небо и там, словно большая черная туча, накрывал Марьяновку.

На далеком восходе, от солнца забагровело небо, поднимался день, воскресное утро 22 июня – начался первый тревожный день страшной войны.

2. ТРЕВОЖНЫЕ СУТКИ ВОЙНЫ.

Преодолевая беспокойство, с острашкою зашли до хаты. Мама закрыла окна, затянула на них занавески и комната утонула во тьме. Пахло дымом и на стенах периодически отражалось близкое зарево пожарищ. На незасланной кровати, прижавшись к маме мы сидели и молчали. Всякие мысли приходили в голову, но больше всего думали от отца. Нежные и добрые письма приходили от него, хотелось, чтобы он был с нами, особенно в эту страшную ночь. Но он был далеко от нас, на строительстве «укреп-района» западной границы. Наш отец – строитель, в городе это он построил самый первый пятиэтажный дом, где разместилось НКВД, так с этим отрядом строителей, еще в марте, будто бы на два месяца послали на границу. Прошло почти четыре месяца. Где он теперь? Что с ним? Так в мыслях, дрема окутала меня.

Проснулся, когда солнце было высоко в небе и его лучи пробивались в комнату, через зелень деревьев и занавески.

Толик еще спал. Вспомнил о своих обязанностях, особенно накормить нашу козу Зойку, вскочил с кровати, наспех оделся и выбежал во двор. Протирая глаза от яркого солнца, всматривался в черный дым, который стоял над нефтебазой и совсем не привлекала меня буйная зелень и будто бы большое, бледно-голубое небо. В этот миг два взрыва подряд потрясли под ногами землю и на железнодорожной станции поднялся огромный столб пыли, а затем белый дым. Я испугался и назад в хату, следом за мной зашла мама.

– Испугался? К этому надо привыкать.

Зверятюк наших, кроликов и курочек, я накормила, а Зойку накормим зельем, травой. Сегодня так беспокойно, будь дома, не погонишь ее на поле. – сказала мама.

Красные глаза выдавали ее, что она сегодня больше не спала, и без нас, наверно, долго плакала.

Радио – черная тарелка на стене молчало. Не видно по дворам соседей. Никто не тарабанит ведрами у колодца. Немая тишина. Страшно выйти на переулок.

С аэродрома донеслось знакомое трекотание динамика, а через какое-то мгновение – голос выступающего: «... Сегодня в 4 часа утра, без объявления войны, предъявление будь каких претензий к Советскому Союзу, немецкие войска напали на Нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировки со своих самолетов наши города: Ровно, Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...»

– Ничего себе! – подумал я – Сколько это надо иметь самолетов, чтобы одновременно бомбить столько городов. Вот это так война!»

А выступающий продолжал:

«... Красная Армия и весь наш народ поведут победную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...»

Мама стояла рядом и внимательно слушала, слезы катились по ее щекам, обнимая ее ноги, рядом был Толик.

«... Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!...» – продолжал выступать.

Потом заиграла музыка марша, а в моем представлении стояли сегодняшние утренние взрывы и пожары.

«...Победа будет за нами...» – эти слова доносились к нам с далекой Москвы, а наш город уже окутан пожарами, покрывался руинами.

Некоторое время спустя на переулочек начали выходить из своих дворов любопытные и смелые мальчишки.

Первого на переулочке было слышно Витьку Лешкова, по кличке Витька-Черчель:

– Труссы, выходите, – кричал он, – пойдем в коммунские кущи смотреть на настоящие зенитки, – созывал он до компании мальчишек. Для нас, подростков, Витька-Черчель был авторитетом: смелый, добрый, справедливый, был пытливым и сообразительным. Будь какие новости в городе, на железнодорожной станции, на аэродроме, не говоря о Марьяновке, он узнавал первым и рассказывал нам, а мы с интересом, доверяя, слушали его.

Семья Лешковых жила бедно, как и большинство из нас: отец не вернулся с финской войны, и его, и младшего брата Толика, по кличке – Цвех, содержала мама, работая на засолочном пункте, погребках, треста столовых и ресторанов.

Беднота, в некоторой степени содействовала дерзости Витьки-Черчеля, что граничило с задиристостью и, в некоторой степени, с хулиганством. «Пусть наших боятся» – его тезис. «Не по лицу судят, а по сердцу» – говорила их мама, тетя Таня, а она была среди соседей честна, работающая, добропорядочная.

– Откуда там появились зенитки? – спросил я.

– Понятно откуда, с Богунии, только что перетасили, чтобы защищать аэродром и железнодорожную станцию от немецких самолетов.

В его речи часто переплетались украинские и русские слова, поэтому его речь иногда звучала комедийно. Сам себя он возвеличивал: «Я русский хохол!»

– Тоже, стратег нашелся! Может тебя в армию заберут, там таких еще нет! – в разговор вступил Гришка Школка.

Гришка Школка, сын Сергея Школки, был самым старшим из подростков, даже иногда нанимался на временные работы, и его за это уважали.

– А где же им быть? – не умолкал Витька-Черчель, – Тут аэродром, – развел он руками, – А там железнодорожная станция. Марьяновку и коммунские кущи они бомбить не будут, а только станцию и аэродром. В кущах зениткам самое подходящее место и замаскироваться легче, и под целями, то есть под пролетающими самолетами.

... Коммунские кущи – это большой заросший кустарник, с дикими деревьями яблонь, груш, кустами ольхи, верб, боярышника и шиповника, и все это переплетено густой зеленой паутиной ежевики. В кустах и рядом на лугах множество искусственно открытых ям, залитых

водой, где раньше копали торф, а сейчас привольное хранилище для всяких рыб: карасей, выюнов, пискарей.

Для нас подростков, эти кусты были другим домом, местом, где мы играли в жмурки, войнушки, куда убегали с уроков, чтобы вдохнуть табачного дыма от самосборной сигареты, ловить сачком рыбу, а в начале осени с деревьев трусить дикие яблоки и груши, а летом на большом душистом поле – сенокосе, от запахов разноцветений, в дурмане, забывать про все, что делается вокруг.

Витька-Черчель редко, когда ходил сам, почти всегда его сопровождал Толик-Цвех или другие мальчишки. И сейчас подошли соседские ребята Шуневич Мишка по кличке Чунь, Токун Шурка – Кисува, Ушаков Толик – Пшик. Каждый из нас, в то время имели уличную кличку. На кличку отзывались как на имя и никто не обижался. Меня почему-то называли Митя-Киця.

Витька-Черчель, с закатанными по локти рукавами зеленой рубашки и подкрученными по колено черных коротких штанах, с непричесанным черных чубом, стоял среди нас, как каланча, так как был ростом выше всех, и вслух рассуждал о том, про что успел узнать:

– Сегодня немцы начали войну против СССР, бомбили не только наш город, но и Киев, и другие города. Выступал по радио Молотов, он сказал, что Красная Армия победит, чтобы весь народ встал на защиту Родины.

– Ты уже к этому приготовился, для маскировки зеленую рубашку надел, штанины подкрутил, чтобы убегать не мешали, – с иронией сказал Толик-Пшик.

– Замолчи, пакостник! – Витька-Черчель толкнул его в лоб, аж зубы клацнули.

– Лучше бы шпионов и диверсантов отслеживал, а то видите кто-то на железнодорожной станции водокачку взорвал и половина города осталась без воды. А ты, Киця, – обратился он ко мне, – веди пастись свою Зойку, а своих я не поведу, нарвал им травы и земли, пусть топчут.

Долго не расходились мальчишки. Говорили, кто про что. Поднималось и жарило солнце, пора бы и на Чешку идти купаться, но черная дымовая туча, что исходила от нефтебазы напоминала, пугаячи войной, что сегодня на не до купания.

Под вечер 22 июня небо наполнилось низким вибрирующим звуком.

На больших оборотах воздушных винтов, басистое и тяжелое гудение: у...у...у...у... было чужим и страшным.

На станции завили тревожно паровозы. Соседи повыскакивали с хат, прячась под деревьями и огородах, а южнее Киевского шоссе плотным строем, девятка за девяткою летели «юнкерсы» и не могло быть, чтобы они не видели Смоковского аэродрома, где стояли даже незамаскированные самолеты. Видно снова они летели на Киев. Не отзывались ни зенитки, ни противовоздушные пулеметы заслону, а на высоте, словно по свободному коридору летели вражеские самолеты, наводя ужас для тех, кто был под ними.

Над станцией Марьяновской и аэродромом настало затишье и люди, затаив дыхание, вглядывались в небо, ожидая, что будет дальше.

На этот раз беда пронеслась мимо нас. Как внезапно появились самолеты, так они и исчезли. Ужинать не хотелось и, на зажигая керосиновую лампу, легли спать.

3. ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ.

Прошли первые сутки начала войны. Утро следующего дня было почти спокойным, только со станции, как никогда беспокойно долетали звуки гудков и свист паровозов. На аэродроме – никаких полетов, все замерло, как оказалось позже – не было горючего, хранилище сгорело прошлой ночью.

Вдоль дренажной канавы, под старыми кирпичными зданиями складов мин.удобрений, мы их называли хим.склады, я гнал Зойку на пашу. Она щипала росистые травинки, бежала

и тянула на веревке меня за собой. До коммуных кустов было еще далеко, но уже было видно, как лошадами затаскивали в брустверы раскопанного чернозёма, в подготовленные места, длинноствольные зенитки, закрывая их срубленными зелеными ветками. Солдаты устраивали свои позиции, их изнурило неблагоприятная жара, влажный воздух от сырого свежевыкопанного чернозёма, что были в безветренной погоде, а зенитчики не снимали касок с головы, потев до изнеможения, вкапывались в землю.

– Вот это – маскировка – подумал я. И вообще, мне еще никогда не приходилось видеть так близко пушек, а тем более зениток. Некоторые из них уже стояли на боевых позициях; черные страшные, длинноствольные то поднимали, то опускали свои стволы, разворачивались, готовы выдохнуть источник смерти. Наводчики – бойцы старательно крутили маховички на лафете, тренируясь к боевым действиям. Позиции зенитных расчетов располагались с интервалом и дистанцией в разбежку.

Зойка паслась плохо, видно также была взволнована незнакомым пейзажем и я устал бегать за ней на поводку, подумал, что после обеда нарву мешок травы и пусть стоит в сарае. Луг уже был выкошенный, постарались вовремя коммунары сложить сено в копны. Но быстро подросла свежая, зеленая отава и сейчас распространился запах цветочного дурмана и свежизны того чернозёма. И всему виновата война! – И зачем эта война? Так было хорошо, лето, каникулы, а осенью мне уже в третий класс. Что будет дальше? Снова пожары, взрывы. Уверенный, война долгой не будет, ведь победили мы финов, победим и немцев. Вот какие у нас пушки и самолеты, а укрепайон, что строит наш отец на границе. Он енкеведист, а это значить – мужественный, непримиримых к врагам и таких как он много. Победим немцев – обязательно! – рассуждал я.

Подсыхал разрытый чернозём и становился серым. Над зенитками раскинули зеленые маскировочные сетки, бойцы устраивали блиндаж и неподалеку – склад боеприпасов. Бегами за своими беспокойными козами Толик-Пшик, Витька-Черчель; не унимался бородатый, с закрученными рогами козел Федьки Грищука. Нам, пацанам, было интересно наблюдать за военными, хотя они нас близко к себе не подпускали, обгоняли, а наши живности бунтовались от не привычного зрелища и бегали, как никогда. В этом разнообразии событий, я услышал – Смотрите на мое чудо-шик! – созывал Витька-Черчель, чтобы посмотрели на его новый нож, с длинным блестящим лезвием. – Кто хочет играть в «кол», садитесь!

Трое отважных село играть в «кол». У каждого, после кидка ножа, выделявая в воздухе фигуры, и лезвие втыкалось в землю, только у Витьки-Черчеля игра не шла. Он сердился, ругался и всё-таки, наконец, проиграл. Мишка-Чуль выстрегал деревянный кол на лезвие и забил его ручкой ножа в землю, сделав столько ударов, за сколько ходов закончил игру Витька-Черчель. Не хотелось ему тянуть зубами из земли этот кол, он спорил, тянул время, лишь бы не выполнять условия игры.

– Воздух! Воздух! – как поток высокого напряжения, привел нас в чувства, тревожный оклик наблюдателя – солдата.

В небе послышался нудный гул немецких самолетов и где-то на Крошне прогремели первые взрывы, зенитчики приготовились к встрече вражеских самолетов; каждый занял свое положенное место, а мы побежали в густые заросли кустов. Гул в небе нарастал все ближе и ближе, взрывы, столбы дыма и пыли были уже на станции. И я увидел, что тройка немецких «юнкерсов» начала снижаться и летела прямо на нас, и тогда зенитчики открыли огонь по самолетам.

На безоблачном небе начали появляться искусственные тучи – разрывов снарядов, которые быстро таяли или сносились воздушным потоком в сторону. Где-то с аэродрома в небо начала бить скорострельная пушка. Из кустов мы стояли и смотрели в небо на черные, с обрубленными крыльями, больше похожих на больших стрекоз, расставленными лапами – шасси, самолеты. Кресты на фюзеляжах пленили нас и мы молчали. И вдруг от «юнкерсов» отдели-

лись четные точки и через какое-то мгновение под ногами затряслась земля, потом воздушная волна отбросила нас наземь и я почувствовал, как с гулом, большой тенью, самолеты пролетели над нами, а потом, развернувшись над Вересовским лесом и на обратном курсе сбрасывали свой смертоносный груз на аэродроме, хим. складах, МТС и станции. В след им строчил пулемет, стреляли пушки скорострелки и зенитки, но все напрасно, самолеты без потерь скрылись из виду. Настала тишина. Заложило уши, как после купания в холодной воде Скалки. Оглохли.

– Поднимайтесь, кончилась эта хреновая котовасия – отряхивая от травы и земли первым поднялся Витька-Черчель. С острашкой поднимали мы свои головы, хотели убедиться, что действительно кончился налет, эта котовасия. Поднимаясь с земли друг на друга тыкали пальцами подсмеиваясь за такой невзрачный вид и испуг. Мне почему-то захотелось домой, к маме, что даже забыл про свою Зойку. Забыли мы про своих коз, а они в такой ситуации разбежались от нас в разные стороны, не слышно «меканья», а только следы на влажной отаве остались от их копыт и волокучих поводков. Начали искать своих коз, а они словно сговорились, в густой чащобе сбились в одну отару, и увидя нас начали «мекать», будто бы звать на помощь. Разобрали веревки и цепи, поводки своих коз, не смело вышли из кустов. Вдали дымился один из домов хим. склада, дым стоял и над трехэтажным кирпичным домом офицерского состава летчиков, что-то горело на станции. Копны сена разнесло воздушной волной, рядом упавшей бомбы. Рядом с зенитками чернели новые две воронки, с выбросами по полю черной земли. У ближней зенитки, один из бойцов снимал окровавленную гимнастерку, а другой рвал на куски белое полотно, готовясь перевязать плечо раненого солдата.

Тропую, один за другим, ведя своих коз мы шли на Марьяновку. Этой натопанной тропой мы всегда ходили купаться на Скалку – так назывались наши три искусственные водоемы: Большая, Малая и Конская скалка, которые образовались, заливая старые каменные карьеры водой: когда-то здесь заготавливали камень-шашку для Киевского шоссе...

Невдалеке, около хим. складов увидели свежие ямы – воронки. Одна, вторая, третья, черные глубокие ямы начали заплывать мутной водой. Выброшена из воронок земля ровным слоем покрыто вокруг поле. Эти новые ямы, позже мы называли «бомбами», ходили и купались в них, а сейчас как инородное тело они вклинились в нашу жизнь.

От хим. складов навстречу нам бежали Лёнька Сверчевский и Милька Жижило, такие же пацаны, как и мы.

– Митя! Митя! Твоего Толика бомба покалечила, убила! – взволнованно перебивая друг друга, говорили они.

– Как убила? Он же был дома с мамой.

– Нет Толика! Только что Король на своей телеге повез его в больницу. В отчаянии я ударил Зойку веревкой по бокам и крикнул: «Домой».

Запыхавшись, я прибежал домой.

Возле нашего двора стояли тетя Катя, Сергей Школка, паки Хомечевский и еще кто-то. На них я не обратил внимание. Слезы катились по моему лицу, в горле застрял комок, не смог ничего спросить, трясло от волнения.

– Митя, мама повезла Толика в больницу. Не плачь, он живой, все будет хорошо, – успокаивала меня тетя Катя Сережи Школки, рядом с ней терся ее сын Толик-Мышка.

– Живой он, живой, только что-то с ногой. Мама сказала, чтоб ты из дома никуда не шел, ждал их, – добавил для утешения дядя Сережа.

– Как? Как? – заикаясь, с плачем не мог я сказать ни слова.

– Вот на нашем переулке и первая трагедия войны, – сказал дядя Сережа, – Теперь все мы ходим между жизнью и смертью и никто не знает, как для кого это все кончится.

Вечерело. Не дождавшись мамы, не раздеваясь, я лег на кровать и в воспоминаниях и переживаниях прошедшего дня задремал.

– Митя! Митя! Проснись! – будила меня мама. Голос ее я воспринимал, как мираж. Открыл глаза и не смог сразу понять вечер это или утро. В хате стоял сумрак.

– Митя! Митя! – повторяла мама и приложила до моей щеки ладонь.

– Мама? Мама, а где Толик?

– В больнице Толик, в больнице, – она взволнованно засербала носом и села около меня на кровать, приглубив мою голову к своей груди.

– Несчастье пришло в наш дом! От отца нет долго писем... А Толик нес тебе пирожки, да не дошел... Где-то около хим. склада впала бомба и осколком перебило ему ногу выше колена. Домой его принесли соседи дяди Гусев и Андреев, а тут уже Король, своей коняжкой на подвозе подвез в больницу. Там ему наложили гипс и сказали, что через неделю можно будет забрать домой, – медленно, в переживаниях рассказывала мама.

На дворе смеркалось. В этот вечер мало кто зажигал свет в хатах, не дымили летние кухни, ужас и волнения не проходили от дневных бомбардировок, даже Марьяновские взрослые не могли постичь, как дальше жить, что делать и что будет дальше.

Моя мама наилучшая! Она сидела, поглаживая мою голову, рассказывая, что видела в городе: много военных, руины домов, но больше всего – о Толике, как тархтела по каменной брусчатке подвода, а он мужественно переносил боль и совсем не реагировал на кровь и свою разорванную одежду. Все спрашивал: «Где Митя?». Да и сама волновалась за тебя, когда видела, как кружили самолеты над Комунскими кустами и хим. складами.

Потом, она склонилась возле меня на кровать, устало задремала, а я еще долго не мог уснуть, думал про Толика, если бы он не пошел ко мне, то этого могло б и не случиться.

– Зачем людям война? Убивать, калечить людей, уничтожать и претворять все в руины. Страшно, когда воют чужие самолеты, рвутся бомбы, трясется земля, гибнут люди пожарища.

Утро следующего дня было таким же тревожным, как предыдущий день.

С первыми лучами солнца, нудный гул пронесся над Марьяновкой. Высоко в небе, как большие птицы, летели немецкие самолеты, по три самолета в звене, и таких звеньев было много. Немецкие бомбардировщики летели тяжело, но на этот раз они не сбрасывали свой смертоносный груз на аэродром и станцию, а миновали наш город, летели на Киев.

– Где же наши истребители? Какие они мобильные, скоростные и красивые в кинофильмах!

Несколько раз выстрелили зенитки, но взрывы, словно клочья ваты в голубом небе были значительно ниже самолетов, и то в стороне от них, а самолеты не нарушая строя, летели на восток.

Как только пропал этот гул, как новая волна самолетов появилась над станцией, где стояли воинские эшелоны. Звено за звеном заходили на бомбометание плешавые «юнкерсы». Их досадный вой глушился пулеметной стрельбой и заслоном зенитного огня. Сильный взрыв потряс землю, кое где вылетали стекла с окон, это самолет сбросил бомбу на МТС и отдалился от зоны зенитного поражения. Напуганный взрывами, во дворе Школки, жалобно выла собака, кто-то его успокаивал крепким ругательством, а пес, замолчав на какое-то мгновение, еще больше изливал свою собачью печаль. Черный дым поднимался на станцию и городом, грохот и пламя завладело рассветом.

Люди еще не знали, как прятаться при бомбежках и каждый по своему, исходя из возможностей, прятались под забором, под деревом, а то и просто положились на землю. А сегодня Филька Токун, как знаток военного дела, первый из соседей вырыл яму в огороде, окоп; перекрыл какими-то досками, и еще чем-то, получилась землянка. Его примеру последовали некоторые из соседей.

– Митя, сейчас по-быстрому сделаем хозяйские дела и пойдем в больницу до Толика. Зойке нарви и дай травы, зелья с огорода, воды, – дала указания мама и я мгновенно кинулся

выполнять поручение. Мама взяла с собой бутылку козьего молока, вчерашних пирожков и мы вышли из дома.

Шли третьи волнующие военные сутки. Везде ощущалась напряженность, скованность, таинственность. Мало кто общался из соседей и знакомых, не слышно было смеха и громких разговоров, звуков радио. В заявлениях от Советского правительства, по радио редко передавали о военных действиях, что идет война, больше наигрывала маршевая музыка, а газет за это время вообще не было. Только дважды в сутки, утром и вечером внушительный голов диктора, зачитывал по радио, что Красная Армия бьется героически, но вынуждена оставлять немцам такие-то населенные пункты.

На переулке в кругу подростков Павлик Баран однозначно заявил: «Иду на войну добровольцем, мне уже семнадцать!»

- И я с тобой! – не смело сказал его брат Шурка, что на год моложе него.
- Ты еще малый, не возмут! Будешь с мамой дом охранять!
- Не буду! Пойду! – не умолкал Шурка.

В какой-то миг, с начала войны, мы подростки и пацаны стали взрослее, стали боше замкнутыми в себе, не было шуток и пустословия, и уже думали не просто играть в войну, а вот она – война реально пришла, нарушив нам покой. И мы уже думали про защиту своего Отечества. Мама Павлика и Шурки еще не старая женщина, Секлета осталась без мужа. За воровство зерна его арестовали и уже долго он не возвращался домой. От нищеты и голода Секлета состарилась, потому что все отдавала детям, но всё-таки осталась хорошей соседкой: быстрая, работающая, пронырливая, почти везде она первая.

В разговор двух братьев вмешались два других брата: Володька и Васька Федорчуки. Живут они напротив дома Секлеты, в старой перекошенной деревянной хате, построенной давным-давно, когда здесь еще был загородный хутор. За то, что в их семье много детей, им дали кличку – Короли. От клички они не обижались, потому что были добропорядочные. У старого Федорчука, хозяина, была лошадь, телега, плуния и конюшня. Многие ходят до Федорчука с просьбой, что-то подвезти, спяхать огород, или просят конского кизяка, чтобы с глиной обмазать печку, чтобы не трескалась.

Федорчук всегда был, хотя при малых, но в почете.

Овинов на Марьяновке не было ни у кого, только у Федорчуков, она стояла всегда забитая сеном. Играючи в жмурки, залезешь в сено, а оно очаровывает ароматами, лежишь в нем, дышишь, и вылезать не хочется, а вылезешь лишь тогда, когда колючки нашьпгуют в тело, или когда тебя не нашли или просто тебя забыли.

- Я бы пошел на войну, но еще малый – не возмут, – сказал Василь.
- Чего малый? Уже выше за забор, – с юмором подкусил его Володька.

В этом сборище раз – через раз в разговор ступали Валька Токун, Милька Жижила, Васька Бугай, и все хотели идти на войну.

В таких препираниях, тогда мало кто еще знал или мог предвидеть какая тяжесть на все военные и послевоенные годы лягут на плечи взрослых и малых, на детей войны.

Мама и я спокойно прошли мимо спорящих подростков. На Марьяновке около ворот овощных складов ГорТорга стоял часовой, солдат при всем обмундировании: винтовка, противогаз, шинель – скрутка, на ремне фляга с водой. Во дворе на полторку солдаты грузили зеленый лук и прошлогоднюю картошку. Около ворот МТС также стоял солдат – часовой.

По булыжной мостовой Киевского шоссе в двух направлениях проезжали грузовики, чем-то груженные или из солдат, а на Старокиевскую дорогу свернули и медленно ехали две грузовые автомашины, на которых сидели солдаты с лопатами, и в кузове – закрытые гробы, не трудно было догадаться, что они направлялись на Смоковское кладбище.

– Не всем людям суждено оставить свой полный след на земле; этих уже не дождутся родные, – проговорила тихо мама.

С высокого бетонного моста через колеи железнодорожную станцию было видно, как из санитарного поезда, на крышах вагонов которого были видны красные кресты в белом круге, выгружали раненных, сносили их на перрон, ближе к зданию вокзала; затем раненных грузили в кузова грузовых машин, которые подъезжали одна за одной. Было видно, как около паровозного депо, пожарная машина струей воды гасила огонь, а к нефтебазе несколько человек ремонтировали искореженную железнодорожную калию.

С привокзальной площади в центре города отправлялся один небольшой вагон трамвая. Военные и гражданские втиснулись в передние и задние двери вагона, туда же мама втолкнула и меня. Стояли плотно друг к другу, так что не надо было держаться, и кондуктор – дедок не мог пройти, потому умолял, чтобы передавали деньги за проезд.

Ох, этот житомирский трамвай! Местная народная мудрость много зала о нем выражений: «легче смерти, дожидаться, чем трамвай», «ползет, как черепаха», «стоит на разъездах, что поспать можно», «трясет, как вибратор».

Уже на первом Георгиевском разъезде долго стояли, ожидая встречного. Недовольные пассажиры, бурчали, просили водителя ехать, и не дождавшись встречного трамвая, поехали дальше. Когда подъехали к Хлебному разъезду, там также долго стоял трамвай, ожидая нашего встречного. Водители начали ругаться между собой. На этом маршруте когда-то ходило пять трамваев, так, что по каждому из четырех разъездов был встречный вагон, а сегодня на весь маршрут с центральной площади Розы Люксембург до вокзала ходило только два вагона.

Чем ближе к центру, тем больше разрушенных зданий, тротуары завалены обломками кирпича, а по проезжей части в направлении станции двигались одинокие и группы людей, неся или «таща» на тачках домашнюю утварь, это были уже беженцы.

В детской больнице, что на углу улиц Илларионовской и Театральной, детям раздавали завтрак, дворники собирали стекло из выбитых окон. При входе – на нас накинута белая халата и мы зашли в палату. Толик, увидя меня, протянул руки:

– Митя, я к тебе шел, видишь немцы, что мне сделали, – он показал на загипсованную ногу. – Мама, заведи меня отсюда, мне уже ничего не болит. Мне стало жалко братика и я пустил слезу.

– Хорошо, сыночек, заведу! Спрошу у доктора и заведу. Толя, а ты не испугался, когда утром сегодня грохотало?

– Нет не боялся, только плакал. Окно открылось и толкнуло горшок с цветами, а он ударил Витю по голове и он очень плакал, – показал Толик на пустую кровать, что стояла рядом.

Окно уже было завешено простыней, а осколки разбитого стекла собраны.

– Извините, пожалуйста! – мама обратилась к женщине в белой халате и белой шапочкой.

– Я не врач, я сестра. Врач Мария Степановна, вот там, – она показала на столик у коридора. Мама подошла к столику.

– Мария Степановна, можно сына забрать домой?

– Толю?

– Да! Он говорит, что ему страшно!

– Нельзя! Теперь всем страшно, ведь война. Он ведет себя героически, не плачет, другие плачут, а он нет. Еще рано забирать его домой, гипс не высох и может поломаться, тогда будет беда на всю жизнь, а здесь он под присмотром медиков.

– Вы же видите, что делается в городе, санитарные поезда везут раненых на восток, уже потянулись вереницы беженцев с вещами и детьми где-то за город, – говорила мама.

– Товарищ Сталин приказ: «без паники». Всех и всё спасем. Если немцы и подойдут к нашему городу, а это почти невозможно, красноармейцы героически воюют, то детей мы эвакуируем в первую очередь. Немцам ни кого и ни что не оставим. Где ваш муж, на войне? – мама кивнула головой, – Тогда вас возьмем санитаркой и будете при своем сыне и за другими детьми присматривать! А сейчас Толик останется в больнице!

– А может.....!

– Нет! – категорически отказала врач!

Мама отвернулась к окну, заливаясь слезами, будто бы этим дала согласие. Внутренне чувствуя, я не мог согласиться с этим. Как же мы пойдем домой без Толика? Я сжимал руку мамы, умолял и настаивал, чтобы забрать его с больницы, но другое чувство говорило, что это может ему повредить и доводы по поводу сырого гипса были убедительными. Толику мы пообещали, что завтра придем и заберем его дом.

Никто из нас тогда не мог догадываться, что встреча и возвращение домой будет не скоро.

4. МОБИЛИЗАЦИЯ

В этот день на переулке была суeta, шум и галдёж: плакали жены и дети, провожая на войну своих мужей и отцов. Около погребов ГорТорга, на Марьяновке, военкомат обустроил мобилизационный сборный пункт и у кого не было «брони», все мужчины призывного возраста, согласно данной присяге, шли на регистрации, а потом уже стояли в окружении своих родных и близких. Не полнолетних Павлика Барана и Василя Федорчук отправили домой, чтобы еще подросли. С ближних и дальних улиц и переулках все больше и больше подходили мужчины с вещ. мешками в окружении и сопровождении своих близких. Пришел с гармошкой Дмитрий Гришук. На Марьяновке почти все знали, что он когда-то был танкистом, наверное, поэтому растянул меха гармошки и запел:

«... Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.»

Его обступили подростки и, с завистью, всматривались, что он такой веселый идет на войну, только Федька, сын его, обхватил руками за плечи, словно хотел эти сказать: «Не пущу!». Но песня не сняла горечь разлуки и передышку в плаче. Вскоре подошли грузовики, мужчины повскакивали в кузов на скамейки и множество рук потянулись к ним.

«...Уехав козак на вийноньку...» – запел под лады гармошки Дмитрий. Колонна машин медленно двинулась, выезжая из территории погребов, где был сборный пункт, а за машинами двинулись и провожающие.

Набирая скорость, машины подъехали к Киевскому шоссе.

«Темной ночи, закрою очи

Може в могиле скочину...»

Доносился голос Дмитрия. Машины свернули в сторону станции, а провожающие еще долго стояли, не расходясь, каждый переживая миг разлуки, проклиная Гитлера и войну.

Надо было идти на сборный пункт нашему соседу и Михаилу Хомичевскому, но он лежал в кровати, закутанный в одеяло, будто бы болел. На переулке по «брони» остались рабочие железнодорожной станции: Гриша Сверчевский, Филька Токун, Авакум Радионов, да еще несколько человек, не призывного возраста. Среди них Сергей Школка, Арсений Старовойтов. Только один день работал мобилизационный сбор. пункт, но заметно порядило людей на Марьяновке, печаль была почти в каждой хате, а уже через три дня по Марьяновским переулкам двигались беженцы в пригородную местность.

Созданное, еще 24 июня, Совинформбюро сообщило, что после тяжелых кровопролитных боёв наши войска оставили города Ровно и Новоградволынский, а это почти сто километров до нашего города. Вот в безнадежде и потянулись беженцы и отступающие, разбитые воинские части на восток.

Беженцы! Кто они? Откуда их столько? Кто бредет к своим родственникам или знакомым в село, где меньше бомбардировок, а кто будь куда убегает из города от смерти. Идут длинные вереницы людей: кто на подводах лошаадьми, а кто пешком, несут свои ценные и нужные вещи. Дети, женщины, и вообще люди, старые и не старые, у кого есть какая-нибудь живность – тянут

за собой, все в одном потоке. У беженцев своя тактика передвижения, они не идут Киевским шоссе, там и без того забито военными колоннами, а выбирают дороги и переулки, где бы во время налета вражеской авиации, можно было спрятаться, под забором, в канаве или под деревом, а может быть и чьем-то погребом. Кроме того – отдохнуть в тени и у колодца. Опасность сейчас поджидает везде!

Вот в последний раз, когда были мы у Толика, врач рассказывала, что немецкие диверсанты появляются всюду, даже переодетые в форму Красноармейца. Они подрывают железнодорожные пути, нападают из засад на военные колонны, в селе Дыныши даже вырезали всю семью лесника, пять человек.

По Старо-Киевской дороге, топчя ногами супесь, тянулся бесконечный поток беженцев. Кое-где под старыми дуплистыми липами, они отдыхали, между собой знакомились и шли дальше. Шли чужие, незнакомые, люди породнившись в этом потоке. Война, словно ветер с деревьев срывал листья, так и она – сорвала этих людей со своих обжитых мест и гнала подальше от смерти.

С потоками беженцев иногда шли военные, направляясь кто на переформировку, кто с отпуска, кто с лазарета. Шли обозы с военной оккупацией или санитарные обозы. Их сопровождали красноармейцы с длинными винтовками. Лошади тянули, вскрытые брезентом возы, окованные железом, на больших окованных деревянных колесах, оси которых были смазаны черным дегтем, который от перегрева скапывал черными каплями на землю. Бывало и так, что обоз останавливался покормить лошадей, отдохнуть, а вечером или ночью они исчезали и оставался после них где-то рассыпанный овес, кинутое сено. Санитарные подводы, смешавшись в общем потоке также шли на восток. Раненые бойцы уже на себе ощутили тяжесть войны. Окровавленная одежда и повязки, бессилие и злость гнетили их беспомощных, но героических, готовые хоть сейчас сражаться с врагом. Женщины и подростки выносили раненым воды, первые, не до конца созревшие вишни, клубники, черешен, редьки, лука.

Спрашивали их: «Откуда вы?» Кто с под Ровно, кто с под Брод – отвечали они. Показывая фотографии отца, мама спрашивала: не встречали ли моего Ивана, он также был под Бродами.

– Там было много Иванов! Кто его знает, где они сейчас, – был ответ.

Как по расписанию каждый день в полдень над станцией появлялись немецкие самолеты и они не только бомбили, но и обстреливали с пулеметов военные эшелоны, санитарные поезда и поезда с эвакуированными людьми и грузами. Когда самолеты улетали у всех было в уме, что немец прет без усталости и остановить его практически невозможно. От раненых стало известно, что еще 05 июля немцы прорвали Новоград – Волынский укрепрайон и с запада подошли до Бердичева, при этом разгромив Советский танковый корпус под Высокой Печью, а это уже за 40 километров от нашего города.

Ходили слухи, что в городе много шпионов и диверсантов, поэтому был оглашен приказ Сталина про расстрел на месте паникеров, диверсантов и шпионов.

В городе появлялось все больше и больше отступающих частей с искаженной техникой. Санитарные команды с городского госпиталя выводили раненых. С предприятий города начали вывозить на восток оборудование и технику. В депо, с резервной стоянки вывели все паровозы, поставили их не «пары» и отправляли на другие условные станции Фастов и Коростень. Отступая, немцам ничего не оставлять – такой был приказ и, используя его, некоторые люди бросились на пристанционные товарные склады, чтобы что-то урвать к себе домой.

Охрана складов оказать сопротивление наполно не смогла: она криками уговаривала людей: «Это государственное, нельзя брать – но никто не слушал и через открытые двери и ворота складов тащили, что кто смог. Кто тянул доски, кто ящики с мылом, кто полные мешки с зерном или мукой. Мне достались два стула красивые кожаные со спинкой. Прямоком, через совхозовский сад в какое-то мгновение и я уже был дома. Мама меня ругала за это и я, будто бы послушавшись, вышел из дома и побежал в МТС. Оттуда, не зная зачем, притащил ящик

каустической соды, которой мыли замасленные детали машин, а вечером, когда гнал Зойку с поля на хим. складах прихватил бумажный мешок желтой серы и еще увидел тяжелый заплетенный бутыль с какой-то жидкостью. Жидкость я вылил, а бутыль принес домой.

На хозяйстве все сгодится. В моем сознании отражалось, что немцам не оставлять ничего!

Аэродром опустел. Обгоревшие и изуродованные самолеты, которые остались после бомбежек, оттянули в сторону от взлетно-посадочной полосы. Иногда на поле садились, но через некоторый промежуток времени, вновь взлетали истребители и на стоянку не появлялись. Из своих соображений немцы не бомбили ангары, склады и взлетно-посадочную полосу, мастерские и казармы. Из жилых домов эвакуировали семьи ком. состава и их квартиры, хотя и были закрыты на замки, но были пусты.

Незначительная аэродромная служба из казарм перебралась жить у вырытой землянки, а на восток все шли и шли беженцы и военные, словно планом был подготовлен новый оборонительный рубеж.

С запада и юга надвигалась необычная гроза: кононада взрывов, вспышки были слышны и видны в вечернюю пору.

После волнующей ночи, с утра мама и я снова пошли в больницу, чтобы забрать Толика. Еще с утра, кто остался у своих дворах, забивали окна хат рядами и досками, кто-то среди огорода копал и устраивал землянку и, на всякий случай, переносили туда домашнее имущество.

Около МТС на Киевском шоссе стояли бойцы охраны и военные патрули, которые проверяли документы у военных и подозрительных лиц. Нас они не остановили. С моста через станцию, было видно опустевшие колеи, лишь одинокий паровоз топтался, около депо, та самоходная дрезина с рабочими и военными около высокой кирпичной водонапорной башни.

Трамвай уже не ходил и в центр мы пошли пешком. А в киевском направлении двигались одинокие полуторки и Зилы, отдельные колонны солдат, повозки обозов и беженцы. Идти им на встречу было не сподручно и мы свернули, чтобы идти по Илларионовской улице. Во дворе мельницы, что на Иподромной, стояла одинокая скорострельная пушка, но бойцов рядом не было. Около кирпичного здания тюрьмы, на вышке еще стояли часовые, а около ворот – военные собирались в колонну, у всех были винтовки и вещ. мешки.

Не успели быстрым ходом дойти до Охотничьего переулка, как в небе завывали вражеские самолеты.

– Скорей сюда! – мама потащила меня в какую-то бетонную трубу и сама залезла за мной, прикрывая отверстие.

В дождь или в паводок этой трубой сбегала вода под дорогой, сейчас воды не было, зато воняло сыростью и гнилью. Спереди меня на каком-то расстоянии в округлом отверстии пробивался свет.

Затряслась земля от первых взрывов. Дробь пулеметов и вой моторов, лупой отдавалось в трубе, и в это же мгновение с противоположного конца трубы кто-то залез и закрыл собой отверстие. Стало темно и жутко.

Могло же было так случиться, что завалило бы нас в этой трубе – спасательнице и никто, никогда не нашел бы нас. От такой мысли меня затрясло и я цокал зубами.

Мама гладила меня по ноге и успокаивала: «Успокойся, сейчас все кончится и мы заберем Толика домой и будем все вместе». Налет кончился. Это мы ощутили по тому, что не строчили пулеметы и не тряслась от взрывов земля.

Сначала мама, а за ней и я вылезли со своего хранилища, струсили пыль, вытерли грязь с рук и одежды листьями из кустарника и почти бегом шли дальше. Вокруг дымело так, что при быстрой забивало дыхание. Что-то горело на автобазе по улице Мануильского, а на перекрестке с Крошенской, прямо среди улицы на брусчатке с перебитыми ногами лежал раненый

конь и где-то из-под живота текла кровь. Он со всех сил старался подняться, но каждый раз падал на спину, поднимал вверх окровавленные ноги, и очень жалобно ржал от боли, или от обиды за бессилие. Умное живое существо, полезное для людей, было беспомощным. Конь закатывал под лоб большие глаза и плакал, как человек, только тихо не навзрыд. Чем мы могли ему помочь? Только посочувствовать! Поэтому мама меня тянула за руку идти дальше.

Из-за угла улицы Хлебной выехал ЗиС с Красноармейцами. Объезжая израненного коня, кто из бойцов вскинул винтовку и дважды выстрелил. Я оглянулся – конь уже не двигался.

Здание больницы – было не узнать: выбитые окна, часть крыши сорвана и как ребра стояли стропила. Во дворе, где когда-то стояли столики и скамейки для отдыха, все разломано; в кустах сирени, будто бы замаскирована стояла скорострельная пушка из двух, поднятых вверх, стволами.

В помещениях больницы – пустота, только особенный запах лекарств еще не выветрился, но его уже забивал запах гари и пыли. Сквозняки гуляли в разбитых окнах. Голые железные кровати, столы, стулья, тумбочки остались в палатах в хаотическом состоянии. Только лишь где-то на полу валялись несколько полосатых ватных матрацов.

– Вы не знаете, куда уехала больница, – обратилась мама к солдату, что стоял у пушки.

– Нет! Мы здесь расположились с утра, но в то время уже никого не было. Вы обратитесь к милиционеру, что стоит на перекрестке, может быть он знает, – сказал солдат.

На перекрестке улиц Вильского и Илларионовской, никакого милиционера мы не увидели. Там стоял военный регулировщик, и флажками показывал в каком направлении куда – кому ехать: машинам, подводам, которые еще задерживались в городе и отдельным колоннам солдат.

Гражданских лиц на улице никого не было. Если кто и смотрит со двора за забором, то прячутся от таких же людей. А напротив нас, стоял как громадная гора христианский православный Свято – Воздвиженский пятикупольный Собор. Ярко блестела на солнце позолота куполов этой церкви, большие белые кресты на куполах, как сторожевики города всматривались в даль, но и без них люди ощутили, что большая пришла беда, и что с каждым часом приближается непредсказуемое. Под сводами подвала собора, за толстыми стенами, выложенными из больших тесанных камней на свинцовых пластинах, нашли себе пристанище сотни людей, которые не захотели покидать город. Это было убежище, но не спасение!

В большой горечи, суетясь по улицам в случайно встречаемых людях спрашивали, куда выехала детская больница. Но никто не дал вразумительного ответа.

На центральной площади города, площади имени Розы Люксембург, где в уютном акциевом сквере, где стоял памятник Ленину, остался только постамент и на земле разбросаны куски гранитной скульптуры. В нескольких местах было изуродованное ограждение сквера. Металлические прутья, когда-то выгнутые рисунком сложного орнамента, торчали изогнутые, мешали пройти по тротуару.

Совсем рядом, но не на рельсах, на боку лежал перевернутый вагон трамвая. Серая каменная брусчатка улицы Кафедральной – завалена битым кирпичом, обломками деревянных балок от разрушенных зданий.

От базарной площади поднимался дым с неопределенно сладким привкусом там горели склады и еврейские магазины. Дым ложился в глубокую пойму реки Каменка, которая омывает с запада историческую часть города, где еще остались остатки старого, разрушенного замка стояла магометянская церковь и римо – католический костел, а внизу был Подол, где когда-то жили ремесленники и рабочий люд.

После безудержных поисков, обессиленные, голодные по Киевской улице мы быстро возвращались домой. Руины домов еще дымели разным смрадом, а в черных отворах разбитых окон и дверей, витрин магазинов ощущалась страшная пустота. Около стадиона «Спартак» стояло большое черное обугленное дерево, будто бы никогда не было на нем зеленой листвы, а

рядом лежали изувеченные лошадки от карусели. От увиденной разрухи и безлюдья, холодный покрывал тело.

Город умирал.

На переулке собрался совет соседей. Кому-то стало известно, что наши войска оставят город, то есть отступят на какой-то рубеж, но была надежда, что не надолго, что нужно будет это время переждать или дома, или поближе к дому, но не идти же беженцами из насиженных и обжитых мест.

– Так, соседи решайте! Не сегодня, так завтра, здесь будут немцы. Если мы сегодня еще живы, то кто знает, что будет с нами через день. Предлагаю забить окна, двери домов, припрятать домашнее имущество кто – куда сможет, и громадой идти на какое-то время до хутору Сви-тина: там поле, пруды, лес, и всё-таки в стороне от станции аэродрома и Киевского шоссе. Переждать какое-то время, а там будет видно, как действовать дальше, – сказал Сергей Школка.

Соседи молчали. Каждый обдумывал эту пропозицию и в сердце были согласный с ней, но никому не хотелось оставлять на произвол судьбы своих хат, своего заботливо устроенного родного гнезда.

– Тому и быть! Будем собираться, к вечеру должны быть за городом, – почти за всех высказался Арсений Старовойтов, мужчина старшего возраста, но еще при силе дядька, по уличному его прозывали кацап, он один из первых, кто когда-то с русских староведов поселился на Марьяновке.

Соседи неуверенно расходились по своим дворам, а мама в слезах рассказывала любимым соседям, как разыскивала и не нашла сыночка, про все, что видела в городе, но ее мало кто внимательно слушал, у каждого была своя на сердце тяжесть, свои мысли и помочь нашей беде никто не мог.

Марьяновского и Старокиевского дорогой на загородные хутора, в лес потянулись последние беженцы, а через некоторое время за ними потянулись и мы – Марьяновцы.

Забот во время сборов было много. Мама положила в мешок, все что было съедобное, накопила в огороде мелкой, как орехи, молодой картошки, с грядки нарвали зеленой цибули, вложила нож, три вилки и ложки, кружку, алюминиевую кастрюлю, чайник, оцинковое ведро. Во второй мешок – одежду, необходимое тряпье, одеяла, письма от отца, фотографии и документы. Керосин, что принесли с МТС перелили в плетённый стеклянный бутыль и закопали в огороде в кустах смородины, рядом закопали, сложенную в жестяную выварку – посуду, оставшуюся одежду и кое-что ценное, что могло бы пригодиться в хозяйстве. Закрыли окна мешковиной и забили досками двери дома и сарая – досками. Все это мы делали вдвоем с мамой. На одноколесную тачку погрузили мешки и мама взялась их везти, а я взял Зойку на поводок. Когда выходили со двора, мама около калитки повернулась, перекрестила хату, сама перекрестилась и низко в пояс перегнулась, тяжело вздохнула и сквозь слезы сказала: «Пошли сынок».

Спереди и сзади нас шли угрюмые, без разговоров люди, а с запада все ближе и ближе доносился грохот взрывов, яркие вспышки покрывали светлое подвечернее небо. Не гроза гремела в небе, а это уже близко шел жестокий бой.

На всю Марьяновку дома остались только Хомичевские и баба Филимониha со своим большим семейством. Когда-то Филимониha рассказывала, как еще в первую мировую войну немец грабил Украину, издевался над людьми. Ужасались мы от таких рассказов. Филимониha – так называли бабу по имени ее покойного мужа. На Марьяновке она была самая старшая по возрасту, много видела в жизни, много знала как кому-либо помочь, она была многим бабой-повитухой, почти все рожденные дети Марьяновки не обошли ее рук. Филимониha никогда не нуждалась в будь чьей защите, а в перебранке или драке, не взирая на лица, кого-либо потаскать за волосы, надавать тумачков, а под конец – задрать свою долгую и широкую копну и, нагнувшись в меру показать стыдливое место. За все это ее прозвали прокурором. В огороде они дружно, всей большой семьей, дети, внуки, взрослые, подростки и малыши, вырыли и устро-

или хорошую землянку, перенесли туда свои небогатые сокровища, на случай, если загорится хата, то хотя бы домашняя утварь и вещи останутся целыми.

Только, почему-то Хомичевские не строили себе землянку, не ушли вместе с соседями в лес, на хутора, а остались дома.

5. ВЫНУЖДЕННЫЕ ВЫСЕЛКИ.

Дорога на хутор Свитин шла через коммунские поля, рядом с домом бывшей детской коммуны и Скалки. Не однажды, не один раз приходилось мне ходить этой дорогой. Когда-то она была обыкновенная, не длинная и привлекательная, а теперь она томительна, долгая и неприветливая. На лугах перестояла не выкошенная трава отава, на засеянных и засаженных полях завялая ботва, скучно с деревьев и кустов свисали ветки и листья, почти спрашивая «На кого оставляете, бросаете нас?» А вот и ямы от взрывов бомб, с выкидками пересохшего чернозема. Где-то здесь, около хим. складов пострадал Толик. Где же он сейчас? Не прибежит, не найдет нас, ведь у него загипсована нога! А может быть, где-то едет подальше от войны на поезде!

Слезы печали наполняли глаза и текли по моим щекам. Я еще никогда не ездил поездом, говорят, что там не трясет, как на машине или повозке, есть где сесть и лечь, или смотри в окошко, как меняются картины и пейзажи.

Со своими мыслями, быстро прошли свой путь. Кто пришел первым – уже начали копать землянку. В их устройстве, соседи общались и редко кто-либо строил сам для себя. Сергей Школка, Старовойтов Арсений и мы здесь же на опушке леса начали копать общую землянку. Песчаный грунт копался легко и двумя лопатами очень быстро выкопали котлован. Сделали два входа, обложили ступеньки дерном, а сверху перекрывали тем, что я Гришка Школка принес с остатков разобранной колхозной конюшни. Все пригодилось: столбики, доски, жесть. Дядя Арсений всему давал толк: хорошо выклат потолок, заделал старыми мешковинами, потом положил куски жести и сверху заложил дерном.

Июльский теплый вечер... Уставшие, сидела около своих сооружений соседи. Не спеша и без особых стремлений кое о чем говорили взрослые. Ароматно пахли дикоросы, рядом в кустах на привези наша Зойка. Она вдоволь лакомилась тем, чем раньше ей не приходилось, на любой вкус и выбор обскубивать молодые поросли кустов. Маленькой скотине не понять, что идет война, что печаль и горе в каждой семье, что мы здесь на опушке леса совсем не для того, чтобы так вкусно наслаждалась сочными листьями она, наша Зойка.

Почти на закате солнца, на город снова налетели вражеские самолеты.

С дальней окраины их не было видно, но было слышно их завивание, взрывы и было видно пламя и дым. С запада все ближе и ближе к нам приближалась канонада.

И вдруг, большой взрыв потряс землю, взрыв за взрывом на станции и нефтебазе, в небо поднялся огненный столб и черный дым, который накрывал Марьяновку.

В сумерках, поздно вечером, когда зарево пылающего города слилось с заревом заходящего солнца, мама выдоила Зойку и молоко в ведре поставила на стол, который сделал Сергей Школка, он даже лавки поделал, на которых можно было сидеть и лежать, чтобы кто хотел брал и пил, и хотя стояла миска с вареной картошкой, соль и кусок хлеба, сборная чужая семья никто не ужинал. В землянке кто лежал, а кто сидел. Каганец не зажигали и через створы дверей от зарева было видно даже ночью. Никто не мог уснуть, хотя все были уставшими морально и физически.

Вдалеке горел город. Дым и пламя в безветрии тянулись ввысь. Запах гари ощущался и здесь на опушке леса. Что же там могло так гореть? Я же видел сам руины. Разве может так гореть разбитые кирпичные дома, изуродованные стальные рельсы? А когда-то город был красивым. В разные цвета покрашены фасады многоэтажек, с лепными карнизами и подоконными

орнаментами в облике гирлянд, цветов и веток, асфальтированные тротуары, зеленые кроны деревьев и кустов, множество клумб с разноцветными цветами...

Усталость давала о себе знать и некоторые из нашей большой семьи прилегали на лавках, только мама не ложилась. Она выходила часто с землянки и смотрела на город, а сейчас стояла на ступеньках, опершись руками на отсыпанную от края входа, землю и плакала. Сначала плакала тихо, а потом плач перешел в сплошное рыдание. Я подошел к ней и головой притронулся к ее правому боку. Она положила мне на плечи руку и сквозь рыдания приговаривала: «Там же в огне мое дитя. Там ему жарко душно. Он хочет водички, кто же ему подаст. Ему же болит ноженька. Кто же ему поможет, кто же пожалеет.»

– Да успокойся, молодница» Успокойся, – подошел утешать ее дядька Арсений, а за ним и дядя Сережа: «– Там в огне его нет, их увезли еще раньше, ты же сама об этом говорила, что в больнице никого не осталось. Да детей никто не бросит в беде ни наши, ни немцы. Дети – есть дети! Не убивайся горем, успокойся, ты найдешь своего сына!»

– Где же он сейчас, кто мне скажет? – не реагировала на уговоры Арсения она, – Никто не знает, где он сейчас! Ой! Ой! Ой! – застонала и осунулась сначала на ступеньку, а потом словно подкошенная, упала на землю в землянке.

– Мама! Мама! Я тебе помогу подняться, – я кинулся к ней на помощь.

– Сережа, быстро подай воды! – крикнула тетя Катя.

Крепко сжатые зубы не пропускали воду и вливали ее между губ, что попадет в рот, то попадет, но вода разливалась и текла на шее мамы. Крепко сомкнутые веки глаз и ослабленные, вытянутые вдоль тела руки, давали признаки, то жизнь покидает ее. Арсений и Сергей подхватили ее тело, так, что голова запрокинулась и распущенный черный волос волочился по ступенькам и вынесли ее с землянки на свежий воздух и положили на траву. С землянки вышли женщины. Тетя Катя расстегнула на груди у мамы блузку и приложила влажную тряпку на грудь около сердца. Дядя Сережа ложкою пытался разжать зубы и влить в рот воду.

– Мамоchка, родная, не умирай! Я буду послушный, мама слышишь, не умирай!

– Сердце схватило от всех переживаний, – сказал Арсений.

– Руки, руки ей поднимай и опускай, делай искусственное дыхание, – подсказывала тетя Катя.

Я прижимался к маме, чем только мешал добрым соседям спасти маму от смерти. Дядя Сережа сел на коленки около головы. Взял ее руки около запястья и начал то поднимать, то опускать. В моем горле от волнения образовался какой-то комок, я не мог говорить, только мычал, спасло меня то, что тетя Катя дала попить воды.

– Ожила! Ожила! – говорил обрадованный дядя Сережа, – заворошила губами! Ноги необходимо согреть! Принесите одеяло!

Я припал к ее ногам, они действительно были стекляно-холодными. Я начал их растирать своими ладонями, дышать на них. По прежнему ей делали искусственное дыхание, а дядя Арсений, подняв ее голову вливал воду в рот.

– Глотнула! Глотнула! – обрадовался дядя Арсений.

Затряслись челюсти и зубы начали выбивать крошку на алюминиевой кружке.

– Аня! Аня! Слышишь меня, глотай еще воды, – просил дядя Сережа.

– Мама! Мама! Не умирай, – не утихомиривался я.

Мама тяжело вдохнула и выдохнула, начала что-то шептать и открыла глаза. Тетя Катя укутала ей ноги одеялом, а я заглядывал ей в глаза и пытался разобрать, что шепчет она.

– Ане необходим покой! Оставьте ее и сами успокойтесь, – сказал дядя Сережа и больше ей не делал упражнений руками.

Со стороны города беспрерывно гроыхало и стояло пламя. Напрягшись, мама подняла голову и посмотрела в сторону города.

– Что со мной? Что? – спросила она.

– Устала, разволновалась, вот и все, – сказал дядя Арсений, поднося кружку воды к ее рту. Она глотнула каплю воды и тяжело вздохнула. Я сидела рядом с ней и обнимал ее голову. Какие красивые у нее волосы и густые черные брови! Когда-то заплетенные в две косы выложить веночком на голове – загляденье. Красиво. Большие яркие глаза, малиновые пухлые губы, румяное нежное лицо! Почему раньше я не обращал внимание, что наша мама красивая, но не только красивая, но и внимательная, заботливая и трудолюбивая. А что, мне только гулянки в голове, только и мерещились! Когда-то она мило обнимала меня и Толика, посадит рядом и рассказывает веселые небылицы. Какие случались с ней в жизни, когда мы еще были малышами, а нам было смешно их слушать.

Маму занесли в землянку и положили на лавку, рядом с ней лег я. Утром проснулся от зова:

– Кто тут живой?

– Живые, слава Богу все, – поднимаясь, было верил дядя Сережа. В створе двери землянки стоял Филька Токун:

– Как устроились? – спросил он.

– Устроились! Вот только Аня Секрет с вечера потеряла сознание, спасали ее, разволновались за сына, а у нас даже валерьянки не нашлось.

– Наша землянка в кустах боярышника, – показал Филька в сторону леса, – Если что надо, приходите, а валерьянку я сейчас пришлю.

– Ничего не надо. Будем выжидать! Сейчас те, кто сражается, решают все за нас, – сказал дядя Арсений.

Я вышел с землянки, посмотреть на милостивых соседей и на город. Угасло пламя, только еще стоял, не рассеявшийся дым. Как-то холодно, слишком мокрые капли росы облизывали мои ноги, я пробежался по траве, за куст, так было необходимо по собственной нужде после ночи и по моим следам осталась сбитая росой дорожка. Зойка уже была на ногах и грызла с кустов пагодки веток и листьев.

6. ОККУПАЦИЯ.

За городом летели на восток три девятки немецких самолетов, а через несколько минут снова появились самолеты и закружили над Смоковским аэродромом, кружили над ним и, садились на поле аэродрома.

Вскоре Марьяновские подростки со всех землянок собрались группой, обсуждая, как воевать с немцами. Но не пришли к единому мнению и разошлись. В землянках была своя жизнь. Взрослые готовили, будь из чего еду, получше и поудобнее устраивали свои землянки, места своего временного жилья, и ждали, когда появится будь какая новость. Через день, в полдень вернулась с Марьяновки Секлета. Вот проворная тетка! Не побоялась сама ходить в эту страшную годину.

– Хаты наши все целы, во дворах все в порядке, – рассказывала она около нашей землянке соседка и особенно ее слушал Филька Токар.

К Фильке большинство соседей относились с уважением на военных учениях. Его сам маршал Красной Армии наградил орденом за смекалку, находчивость, как самого лучшего среди красноармейцев. В память об этом на запястье правой руки он вытатуировал пятикучную звезду и в железнодорожном депо был хорошим работником, слесарем, а потом помощником машиниста паровоза, потому и остался на «броню» до последних дней работы в депо и не успел призваться в действующую армию, потому что до последнего часа выводил паровозы из резерва на линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.